

восприятие абстрактного объекта как конкретного (печор. *завязать горе веревочкой* ‘перестать печалиться’), нарушение биологических законов и процессов (рус. *коми глядеть ротом* ‘быть рассеянным, невнимательным; глазеть по сторонам, ротозейничать’, *семь отцов, восьмой батюшко* ‘кто-л. не имеет, не знает своего родного отца (о внебрачном ребенке)’), одновременное выполнение двух взаимоисключающих действий (перм. *стоит да идет* ‘дело не продвигается’).

Pottier B. Sémantique générale. Paris, 1992.

М. М. Кондратенко

Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль
mmkondratenko@gmail.com

Славянская диалектная хрононимия как источник сопоставительных этнолингвистических исследований

В настоящее время мы наблюдаем развитие этнолингвистического подхода к описанию языковых единиц, в рамках которого последние изучаются через призму репрезентации ими феноменов традиционной культуры. Одновременно расширяются исследования в русле анализа явлений изосемии, связывающих лексику достаточно удаленных в генетическом отношении говоров. В этом отношении вызывает интерес перспектива изучения славяно-германских семантических параллелей в свете раскрытия сходства и различий внутренней формы наименований, характерных диалектных образов, лежащих в их основе и составляющих важную часть традиционной духовной культуры.

Одним из пластов диалектной лексики, которые особенно важны для исследований подобного рода, является народная хрононимия. Самым непосредственным образом с задачами этнолингвистики связано изучение наименований праздников и сопровождающих их названий персонажей народной мифологии, обладающих отнесенностью

к определенному отрезку календаря. Однако номинация других периодов времени, не связанных с календарной обрядностью, дает не меньше оснований судить об особенностях мышления носителей диалектов и о том, что именно делает круг времени в народном языковом сознании магическим.

Для выявления подлинной специфики славянских диалектных семантических феноменов был предпринят опыт их сравнения с лексическими данными одного из южнонемецких диалектов, а именно — восточно-франконского (распространенного на севере Баварии в районе городов Нюрнберг — Вюрцбург — Байройт).

Одним из свойств славянской темпоральной лексики является ее связь с семантикой пространства, например, яросл. *с неделю ростом* ‘о высоком человеке’. Аналогичное явление характерно и для южнонемецкого диалекта: «Wie weit ist es denn?» [«Который час?»] (буквально «Как далеко?»).

Сопоставление с генетически иным языковым материалом позволяет внести дополнительные сведения в дискуссию о первом дне славянской недели (воскресенье или понедельник). Словарь баварских диалектов дает для выражения *End der Woche* (конец недели) значение ‘пятница и суббота’, при этом специально уточняется, что воскресенье концом недели не является. Кроме того, в этом же диалектном микроузле отмечено словосочетание *acht Tage* (восемь дней) в значении ‘неделя’: «Der Markt findet alle 8 Tage statt» [«Ярмарка проходит каждые восемь дней»], что ставит новые задачи для исследования феномена недели в архаическом сознании предков современных славян и немцев.

Другой важной составляющей славянской хрононимии являются обозначения времени работы и перерывов в производственной деятельности, в том числе праздников. В немецкой диалектной лексике, так же как и в славянской, представлены различные периоды суток по характерному для них виду работы: яросл. *ранний уповод* ‘период работы утром’, вост.-франкон. *Fütterzeit* ‘время кормления скота в хлеву’. Однако в немецком материале выделяются наименования выходных дней, не фиксируемые на славянской языковой территории: это названия праздников, выпадающих не на воскресенье, а на рабочие дни недели — *blinder Sonntag, falscher Sonntag* (буквально «слепое воскресенье», «неправильное воскресенье»).

Важнейшим периодом славянского народного календаря, характеризующимся большим количеством разнообразных номинаций, являются святки. С точки зрения языковой сегментации, этот период времени так же широко освещен и в немецких диалектах. Особый интерес вызывают наименования святочных персонажей и их этнолингвистическая интерпретация. Примером такого персонажа, в частности, является *босорканя*. В словаре «Славянские древности» представлено описание ее внешности, функций и времени ее появления. Сопоставление по этим параметрам позволяет выделить общие и специфические черты аналогичного персонажа южнонемецкой народной мифологии *Берты*, *Железной Берты* (фонетические варианты — *Bercht*, *Percht*). По внешнему виду это, как и ее славянский аналог, отвратительная женщина, обликом и одеждой соответствующая представлениям о ведьме. Однако ее функции отличаются: Берта приносит с собой репейник и железо для наказания детей; непослушным детям грозят тем, что Берта вскрыет им желудок и набьет сеном.

Этот персонаж интересен и в другом отношении: *Percht* отмечена в словенских говорах. Если учесть, что произношение глухого [p] на месте звонкого [b] — типичная черта многих южнонемецких говоров, можно предположить заимствованный характер если не обозначаемого персонажа, то его наименования в словенском (как и возможное происхождение словен. *vylezaj* ‘весна’ (буквально «выход») из юж.-нем. *Hinauswärts* с той же внутренней формой).

Таким образом, сопоставление славянской диалектной хронологии с лексическим материалом немецких говоров позволяет увидеть как ее специфические, так и в той или иной степени универсальные семантические признаки.